

И. Д. ЯКУБОВИЧ

**«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» И СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО
Д. Н. ИЛЬИНСКОГО**

Сюжетная основа, «внешняя сторона» романа «Братья Карамазовы» — история убийства Федора Павловича. Известно имя Ильинского, реального лица, ставшего прообразом мнимого отцеубийцы Дмитрия Карамазова.¹ Заканчивая статью о нем, Б. Г. Рейзов писал много лет назад, что более подробное знакомство с процессом Ильинского позволило бы глубже проследить, насколько близок к нему роман и чем исчерпывается сходство Мити с его прототипом.² Попытки отыскать в Тобольске дело Ильинского были предприняты еще в 1930-е годы Л. П. Гроссманом. Обнаружено же оно было в недавнее время Б. В. Федоренко в Центральном Государственном военно-историческом архиве в Москве.³

В следственном деле более трех тысяч страниц. Хотя совершенно очевидно, что Достоевский не знал и не мог знать деталей дела Ильинского, можно полагать, что многие подробности могли быть известны ему из уст его товарища по острогу. Кроме того, омские знакомые Достоевского Анненковы, бывшие тобольчане (декабрист И. А. Анненков в 1841—1848 гг. состоял на службе в Тобольском губернском управлении), могли безусловно хорошо знать это на шумевшее в Тобольске дело и рассказывать о нем писателю. Достоевский пишет в «Записках из Мертвого дома»: «... люди из его («отцеубийцы», — И. Я.) города, которые должны были знать все подробности его истории, рассказывали мне всё его дело» (4, 16). Сопоставление судьбы Ильинского и трагедии Дмитрия Карамазова позволяет глубже заглянуть в творческую лабораторию Достоевского, проследить, как мысль писателя двигалась от фактов, поразивших его в 1850-е годы и уже тогда на

¹ См.: Рейзов Б. Г. К истории замысла «Братьев Карамазовых». — В кн.: Рейзов Б. Г. Из истории европейских литератур. Л., 1970, с. 129—138.

² Там же, с. 134.

³ ЦГВИА, ф. 801, оп. 79/20, № 37, ч. 1—7, см также: 4, 284—285.

всю жизнь запавших в память, к психологической драме его последнего романа.

Первый том документов следствия озаглавлен: «Дело, принятое к производству Тобольской гражданской полицией, по обвинению линейного Сибирского батальона № 1 прапорщика Ильинского о потере отца его коллежского советника Ильинского. Начато 5-го июля 1844 года». Это сразу же уточняет место и время действия — Тобольск, середина 1840-х годов. В доме пропавшего Н. Ф. Ильинского был «учинен» обыск; сыну, «стряпке», денщику сына были заданы «вопросные пункты». Из ответов на них, данных Ильинским-сыном, узнаем, что имя его Дмитрий, что он служил в Сибирском линейном № 1 батальоне в чине прапорщика, что ему 22 года, что он имеет старшего брата Александра, подпоручика линейного Сибирского батальона № 8, расположенного в Омске. «Стряпка» Н. Ф. Ильинского — двадцатилетняя поселенка Павлина Некрасова, показания которой легли в дальнейшем в основу дела, рассказала о себе: «Наперед сего была дочь поручика Родиона Некрасова, служащего в Москве <...> в 1843 году без наказания послана в Сибирь и, по прибытии в Тобольск в сем году, по распоряжению приказа о ссыльных поступила на поруки к г. коллежскому советнику Николаю Ильинскому». В ответах денщика Дмитрия, двадцатисемилетнего Алексея Куклина, проскользнули слова, заставившие следствие обратить внимание на взаимоотношения сына и отца Ильинских: «...отец сказывал, что сына своего терпеть не могу, во время посещения сыном отца в доме последнего вопрошал, зачем пришел, к столу кушать с собой никогда не приглашал».

Производство следственного дела (от поисков пропавшего Н. Ф. Ильинского до высочайшей конфирмации, волей которой Дмитрий был отдан в арестанты «всегдашнего разряда») заняло четыре года и не имеет других прямых аналогий с романом, кроме конечного результата — «судебной ошибки». При изучении следственного дела бросается в глаза, что велось оно крайне пристрастно. Показания, свидетельствующие против обвиняемого, принимались следователем на веру и в дальнейшем фигурировали как неопровержимые факты; все же показания Дмитрия внушали следствию сомнения. Трудно объяснить это лишь одним недоброжелательством к молодому человеку, правда несколько легкомысленному, горячему, упрямому, но ничем серьезным прежде себя не запятнавшему, — дело Ильинского разбиралось дореформенным судом, где царил произвол.

В ходе следствия «стряпка» говорит, что дома Ильинского звали уменьшительно «Митя», как и героя романа. «Милый и любезный брат Митенька!» — начинает письмо к нему старший брат.

«Дмитрий Федорович, двадцативосьмилетний молодой человек», — читаем мы в «Карамазовых». «Лицо его было худощаво, щеки ввалились, цвет же их отливал какою-то нездоровою желтизной. Довольно большие темные глаза навывкате...» (IX, 69).

Дмитрию Ильинскому в год, когда с ним встретился в Омске Достоевский, тоже было 28 лет. Судя по сведениям статейного списка об арестантах омской крепости, был он «лицом смугловат, волосы черные, глаза серые, нос посредственный».⁴

Герой Достоевского, как и его прототип, состоял на службе в линейном батальоне. Л. П. Гроссман разыскал в «высочайших приказах» по русской армии сведения об отставке в 1845 г. подпоручика Ильинского и предполагал, что убийство отца его произошло, когда Ильинский был уже в отставке.⁵ Из следственного дела видно, однако, что убийство произошло, когда Дмитрий еще служил прапорщиком и не думал об отставке. Подал же он в отставку в связи с исчезновением отца, «чтобы иметь больше свободы в розыске его», и получил отставку 22 марта 1845 г. Будучи арестован по подозрению в убийстве отца в апреле 1845 г., Ильинский был уже «отставным подпоручиком». И в романе Дмитрий Карамазов говорит Алеше, что в линейном батальоне «прапорщиком состоял» (IX, 111). Когда же Дмитрий находится под следствием, к нему обращаются: «господин отставной поручик Карамазов» (X, 118).

Но важно не только внешнее сходство. Самый характер Дмитрия Карамазова ведет в известной мере свое начало от горячего и непосредственного тобольского подпоручика.

Александр Ильинский передал следователю ряд бумаг, найденных им по приезде в доме отца и касающихся брата. Среди них письмо от 15 февраля 1844 г. командира батальона, в котором служил Дмитрий, подполковника Яковлева к Н. Ф. Ильинскому. Он уведомляет отца, что сын его берет в долг из батальонных сумм, и просит предостеречь его «от лишней расточительности». Во втором его письме от 22 марта 1844 г. говорится о том, что Дмитрий приобрел «самую невыгодную репутацию во всех отношениях», «неимоверно расточителен» и несколько раз «подвергался взысканиям за леность к службе, уклонение от оной и другие неприличные благовоспитанному молодому офицеру поступки». Фигура подполковника Яковлева, его явно отрицательное отношение к Ильинскому в период следствия и бездоказательное обвинение в отцеубийстве, вынесенное военно-судной комиссией при линейном батальоне, Яковлевым возглавляемом, заставляют вспомнить рассказ Дмитрия Карамазова: «Мой подполковник, старик уже, невзлюбил меня вдруг. Придирался ко мне...» (IX, 112). Облик Ильинского раскрывается постепенно в ходе следственного дела. С одной стороны, показания Павлины Некрасовой, говорящей о «неблагодетельности» поведения Дмитрия, его выпивках, кутежах, расточительности (при этом она указывает на вещи, заложенные им после пропажи отца, всего на 50 рублей), непочтительности к отцу («отец боялся оставаться

⁴ ЦГВИА, ф. 312, оп. 2, № 1815.

⁵ См.: Гроссман Л. П. Последний роман Достоевского. — В кн.: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Т. I. М., 1935, с. 38.

с ним наедине и отзывался о нем домашним, что ему сын его злодей»). В вину ему вменяется также, что он всегда был весел: «...никогда не замечала я, — продолжает стряпка, — чтоб он был озабочен смертью отца». С другой стороны, в ходе следствия был сделан «запрос» Александру Ильинскому. Отвечая на него, старший брат дает показания против Дмитрия. Подтвердив все сказанное Некрасовой, он добавляет, что, по свидетельству Алексея Куклина, «брат мой будто бы просил убить отца своего и за то обещал отпустить в отпуск»; что на Павлину Дмитрий «имел злобу и питал к ней неудовольствие»; со слов соседок говорит о распрях Дмитрия с отцом, приводя слова, будто бы сказанные Н. Ф. Ильинским по приезде младшего сына в Тобольск: «Приехал ко мне злодей, сын мой меньший Дмитрий».

Следствие скрупулезно собирает все отрицательные сведения о Дмитрии. К делу приобщается следующий рапорт подполковника Яковлева: «Имею честь уведомить, что прошедшую сороклетнюю, когда воинские чины вверенного мне батальона говели поротно, тогда предлагал я и даже настаивал, чтоб прапорщик Ильинский, находящийся на гауптвахте, уклонявшийся от сего обряда, говел наряду с прочими чинами, но он уклонялся от выполнения этого христианского долга».

В ответ на все обвинения Дмитрий отказывается давать объяснения. Он просит об очной ставке с Некрасовой и братом. Обвиняемый «с азартом говорит», что сможет сразу же уличить Некрасову и денщика Куклина в убийстве отца. Очные ставки состоялись. Но несмотря на то что, как сказано в деле, Дмитрий «с сильнейшим азартом и повелительно» говорил с Некрасовой, уличить ее он не смог и «по разговоре с нею видит в ней злодея, у которого совести нет». На очной ставке с братом Дмитрий, очевидно ужаснувшийся, что Александр дает показания против него, заявляет: «...брат на сей очной ставке заявляет несправедливо», упрекает его, что он «приехал издалека в Тобольск не для чего другого, как воспользоваться именем родительским и, может быть, сыскать моего несчастья».

Ильинский выразил недоверие комиссии, учрежденной военным судом для рассмотрения дела, и просил передать его в Омск для разбора «при тамошнем ордонансгаузе». Просьба эта была отклонена «из-за неуважительности причин». Тогда Ильинский требует «очистительной присяги», поскольку следствие велось «по ложному обвинению». Если же он получит в этом отказ, заявляет обвиняемый, то вынужден будет «уступить коварству и злобе людей, пожертвовать оной своим несчастьем и вечною ссылкой в каторгу, но нежели уступить клевете в справедливости и платить за зло злом». И в этом подследственному было отказано. В отчаянии он пишет ряд рапортов, упрекая комиссию в пристрастности, медлительности, отвергает требование комиссии дать устные ответы на вопросы «вместо дачи оной собственноручных мною ответов», заявляет, что если ему не позволят писать ответы

на «вопросные пункты», то он и не будет их давать. Но Ильинскому «внушают», «что он судится по уголовному делу» и, следовательно, все его требования безосновательны. Усмиренный Ильинский соглашается давать показания. В ответ на вопрос, «почему он не проявлял никакой озабоченности и скорби после пропажи отца», Ильинский говорит: «Я имею постоянно веселый характер и никогда не охотник был изъяснять никакой заботы перед людьми, которые не могли и не могут принести мне в том никакой отрады, а также умел и умею скрывать свою печаль и заботу во внутренности себя, а не по наруженности».

Далее в военно-судном деле появляется рапорт караульного прапорщика о том, что Ильинский, будучи на гауптвахте, «заперся в своем номере, не допускал к должному за ним наблюдению», оскорблял часовых, не разрешил обыскать себя. Ильинский объяснял, что с ним обращаются «не как должно обходиться с арестованным офицером, а так, как с <...> уже лишенным прав состояния или, просто сказать, как с варнаком», и он «не надеется на себя в том, чтоб по горячности своего характера мог хладнокровно это переносить». Подобно Ильинскому, Дмитрий Карамазов возмущается: «Здесь уже *ты* начинают говорить. Сторожа мне *ты* говорят <...> сторожевского тыканья не могу осилить!» (X, 423). Дальнейшие перипетии судебного разбирательства не дают дополнительных сведений о характере Ильинского, здесь в общем нет никаких аналогий и с романом (см.: 4, 284). Отметим лишь, что на одном из этапов судебного мытарства командир Отдельного Сибирского корпуса князь Горчаков, полагавший оставить подсудимого в сильном подозрении, предлагал за «дурное его поведение», «за оказанное им ослушание противу караульного офицера» продержат его на гауптвахте еще один месяц, а затем отослать на жительство в Тобольскую губернию под присмотр полиции. В романе также присутствует мысль, что Митю судят за «дурное» поведение: «Он безудержен, он дик и буен, вот мы теперь его судим за это», — провозглашает на суде защитник Фетюкович (X, 405).

Из дела Ильинского остается неясным, какую роль в действительности играла в нем двадцатилетняя Павлина Некрасова и старший брат осужденного; что-то неизвестное официальным лицам или не отраженное в материалах следствия Достоевский мог знать от самого Ильинского. Так или иначе очевидно, что показания Александра сыграли не последнюю роль в обвинении Дмитрия.

В романе говорится, что Дмитрий Карамазов «буен, со страстями, нетерпелив, кутила», «делал долги», ссорился с отцом, «по городу ходило уже об этом несколько анекдотов» (IX, 14, 70). Все это близко соответствует вышеприведенным материалам, раскрывающим характер и темперамент Ильинского. Его внутреннее благородство, честность и некоторая наивность также становятся основными чертами Карамазова, горячность же его перерастает в карамазовскую безудержность.

Отзвуки тобольского дела чувствуются не только в характере Мити. Хотя облик Федора Павловича Карамазова ничем не напоминает старика Ильинского (из документов следственного дела явствует, что убитый был старше Федора Павловича: в службу он вступил из духовного звания, служил в Тобольской казенной палате, вышел в отставку в чине коллежского советника, имея знак отличия «за беспорочную двадцатипятилетнюю службу», и ко времени преступления ему был 71 год), один штрих все-таки сближает Ильинского-отца и Карамазова. Первый постоянно отзывался о сыне: «... я боюсь Дмитрия, он мой злодей», второй все жалуется на «непочтительнейшего Франца Мора» (IX, 73). В главе «Таинственный посетитель» также можно отметить детали, возможно восходящие к процессу Ильинского. Здесь подозреваемый в убийстве вдовы-помещицы слуга некоторыми чертами сближается с денщиком Ильинского Алексеем Куклиным. Улики на того и другого падают потому, что их видят «с запачканною почему-то в крови правою ладонью» (IX, 302). Оправдываясь, слуга в романе, как и денщик Ильинского, «утверждал, что кровь шла из носу». Этот слуга, подобно Куклину, умер под судом. А истинный убийца сознался в преступлении через четырнадцать лет. Через столько же лет после убийства отца Ильинского, в 1858 г., в судьбе его сына происходят перемены (см.: 4, 285). Для объяснения причин их мы не располагаем документами, но, со слов Достоевского в «Записках из Мертвого дома», знаем, что «настоящие преступники нашлись и сознались» (4, 195). Возможно, что и упоминание в речи прокурора на процессе Мити об убийце, который, зарезав, подложил «мертвецам под головы подушки» (X, 357), возникло под влиянием воспоминаний об обнаружении тела Н. Ф. Ильинского, которое было найдено с подложенной под голову подушкой.

В показаниях свидетельницы мещанки Королевой встречается фраза: «... в городе Тобольске проживаю, с мужем своим, в собственном доме за Мокрым питейным домом». В старом Тобольске действительно был питейный дом «Мокрый»; «ориентируясь на кабаки, писцы заносили обывательские дома в книги: двор посадского такого-то у кабака такого-то. Кабак являлся общественным клубом и биржей труда, местом беспошлинного торга и любовных свиданий».⁶ Такой же характер носит постоянный двор в Мокром, где кутил Митенька. Хотя исследователи возводят Мокрое к одному из омских форштадтов с тем же названием, возможно, что Достоевский знал и о «Мокром питейном доме» в Тобольске.

О более глубоких аналогиях или перекличках судеб лиц реальной трагедии Ильинского и героев Достоевского говорить не приходится: строки следственного дела раскрывают всего лишь одну из исходных точек сложного и глубокого замысла романиста.

⁶ Копылов Д., Прибыльский Ю. Тобольск. Свердловск, 1969, с. 56.